

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

LV

**ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ЕГИПТОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
2009–2010**

*Памяти Светланы Измайловны Ходжаи
Памяти Александра Серафимовича Четверухина*

ДОКЛАДЫ

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2011

УДК 930.26(32)+7.032.2
ББК 63.3(0)3
Т78

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Ответственный редактор
А. О. Большаков

Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 55 : Петербургские египтологические
Т78 чтения 2009–2010: памяти Светланы Измайловны Ходжап, памяти Александра
Серафимовича Четверухина : доклады / Государственный Эрмитаж. – СПб. :
Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. – 330 с. : ил.

ISBN 978-5-93572-428-3

В сборнике статей, основанных на докладах, читанных на Петербургских египтологических чтениях 2009–2010 гг., представлены работы, относящиеся к важнейшим разделам египтологии: политической истории, истории религии и идеологии, археологии, эпиграфике и палеографии, а также посвященные отдельным группам памятников. Охвачены периоды от додинастики до греко-римского времени.

УДК 930.26(32)+7.032.2
ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-93572-428-3

© Государственный Эрмитаж, 2011

Петербургские египтологические чтения начались с небольшой конференции, посвященной столетию со дня рождения Юрия Яковлевича Перепелкина, так что в обиходе их нередко называют Перепелкинскими чтениями. В дальнейшем наши ежегодные встречи часто посвящались памяти коллег, ушедших от нас давно или совсем недавно. Делались доклады и публиковались статьи, в которых речь шла не только об их научных успехах и неудачах, но и о человеческих свойствах, ибо в гуманитарных науках личность исследователя и результат исследования связаны порой очень неявно, но совершенно неразрывно. И все же на переднем плане, что и понятно, всегда стояла египтология. Публикуемые сейчас заметки Анастасии Евгеньевны Фокиной, любимой внучки (точнее внучатой племянницы) Юрия Яковлевича, сделаны с совершенно иной точки зрения — это взгляд на близкого человека глазами ребенка. В этом их особая ценность и для тех, кто знал его только как ученого, и для тех, кому не выпало счастье общения с ним.

Сохранилось совсем немного фотографий Юрия Яковлевича, и тем большее значение обретает каждая из них. Между тем, кажется, не было опубликовано ни одного его портрета. Поэтому мы иллюстрируем воспоминания фотографиями, не имеющими непосредственного отношения к их содержанию, но сохраняющими образы членов семьи Перепелкиных, давшей науке не только великого египтолога Юрия Яковлевича, но и его отца, Якова Николаевича — создателя российской военной оптики, и его брата, Евгения Яковлевича — блестящего астронома, ставшего профессором в двадцать восемь и расстрелянного в тридцать один, чье имя продолжает жить в названиях кратеров на Луне и Марсе.

А. Е. Фокина

МОЙ ДЕДУШКА ЮРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ ПЕРЕПЕЛКИН

Когда мне было пять лет, я узнала что мой дедушка ЕГИПТОЛОГ. Мне было сложно запомнить это слово, и он написал мне его печатными буквами на тетрадном листе. Смысл слова мне понятен не был, но я с гордостью читала его по слогам, стараясь запомнить. За год до этого я узнала, что дедушку зовут Юрий Яковлевич Перепелкин, «Юлий Пелепелкин» я произнести могла, а вот отчество мне не давалось. С самого раннего детства дедушка вызывал у меня живой интерес, он был для меня целым неизведанным миром, который мне непременно хотелось изучить и познать.

Помню огромную квартиру на 2-й линии Васильевского острова, которая некогда целиком принадлежала Якову Николаевичу Перепелкину, отцу дедушки, который был большим ученым, создателем русской военной оптики. Со временем эта квартира превратилась в коммунальную. Комната, где я жила с родителями и сестрой, была соединена небольшим тамбуром с комнатой дедушки. И хотя родители не разрешали мне заходить в его комнату, я все-таки с любопытством заглядывала в дверь. Стены ее были заставлены книжными стеллажами, сбоку стояла кровать, а у двери на небольшом столике стоял старинный кувшин и большой таз для умывания. Перед тем, как сесть за работу с книгами, он мыл в этом тазу руки, чтобы не ждать, пока освободится раковина в ванной комнате, единственной на всю квартиру.

Мое самое раннее воспоминание о нем, почему-то очень яркое, хотя мне тогда не было и двух лет. Моя мать уходила на кухню (как на другой конец света), а я оставалась одна и вскоре начинала хныкать, но как-то, испугавшись ее долгого отсутствия, я сильно расплакалась. Я не заметила, как он вошел; неожиданно недалеко от двери я увидела высокого худого человека, который смотрел на меня и улыбался. «А кто это здесь плачет?» – спросил он. Но я уже не плакала, а с интересом разглядывала его. Он был каким-то особенным, ни на кого не похожим. У него были яркие светло-голубые глаза, улыбался он, не разжимая губ, и весь излучал доброту и мягкость. Казалось, одежда была ему несколько великовата – широкие стянутые поясом брюки, серая рубашка и старый домашний пиджак, из карманов которого торчали перчатки. При сильной худобе, он был широк в плечах и держался прямо. Между нами сразу же возникло молчаливое понимание. С тех пор он часто заходил к нам в комнату, когда я оставалась одна: иногда я даже нарочно начинала громче плакать, если он долго не приходил. Когда мне исполнилось три года, он подарил мне серого плюшевого медвежонка, которого, по его

Детское увлечение Наполеоном.
Мария, Юрий и Евгений Перепелкины

Юрий Яковлевич, Мария Яковлевна, Мария Алексеевна, Евгений Яковлевич
и Яков Николаевич Перепелкины

Рисунок Ю. Я. Перепелкина

словам, купил в Андреевских рядах: «Там, в Андреевских рядах, есть игрушечная лавка». Я назвала его Винни-Пухом в честь моего любимого героя сказок. В течение долгих лет Винни-Пух оставался моей любимой игрушкой. Я получала на дни рождения открытки, которые рисовал дедушка, на них был нарисован Винни-Пух, поздравлявший меня с днем рождения. Медвежонок этот и сейчас жив и занимает почетное место среди игрушек моей дочки.

Вскоре мы переехали в новую квартиру на углу Большого проспекта и 7-й линии, возле Андреевского собора. В этой квартире, в маленькой комнате дедушка и прожил до самой своей смерти. Обстановка этой комнаты мало чем отличалась от той, что была на старой квартире — так же стояли книжные шкафы, большой письменный стол перед окном, кровать у стены, и только кувшин и таз для умывания отсутствовали. Я часто заходила к дедушке, наблюдала, как он работал, задавала вопросы и просто с интересом рассматривала его комнату. Мне были интересны книги с разными корешками, стоявшие за стеклом. Удивление и восторг вызывали перчатки, которые как живые лежали сверху на шкафу. У него их было несколько пар, и каждая была предназначена для какой-то определенной цели — перчатки домашние, перчатки столовые, перчатки уличные, перчатки кухонные (он носил их, чтобы руки оставались чистыми — боялся испачкать книги и рукописи). Мне было интересно смотреть, как он писал своим каллиграфическим почерком, особенно когда он аккуратно выводил египетские иероглифы. Дедушка

Иероглифы, писанные рукой Ю. Я. Перепелкина

и для меня рисовал их отдельно на бумажке, с пояснениями, что они означают. Изредка, пока он работал, я забиралась под его письменный стол и копалась в корзине для бумаг, куда он выбрасывал неудачные зарисовки и черновики, я перебирала их, рассматривала рисунки и те, что мне нравились, забирала себе. До сих пор я храню некоторые из них.

Трудно объяснить почему, но его любви я получила больше, чем мои сестры. Возможно, причиной стало то безмолвное понимание, которое было между нами, а возможно, что-то другое. Гуляя по двору, я знала, что всегда, посмотрев на окно, я увижу его следящим за мной из-за занавески. Он знал о моих детских переживаниях и проблемах и всегда пытался помочь, что-то подсказать, но делал это очень деликатно и ненавязчиво. Всех детей, с которыми я училась или играла во дворе, он знал по именам и фамилиям, и придумывал им забавные прозвища. По вечерам дедушка рассказывал мне сказки, в которых главный героем была я, часто в них так же были дети, с которыми у меня в школе или во дворе возникали проблемы, и я всегда выходила победителем. Я очень боялась своей учительницы младших классов, но когда он в одной из своих историй высмеял ее, сравнив с кухаркой, я стала бояться ее намного меньше. Я любила изображать разных персонажей, по-забавному наряжаясь, я заходила к нему в комнату, и он как никто другой умел подыгрывать мне так, что у меня не оставалось и тени сомнения, что он меня не узнал. И потом,

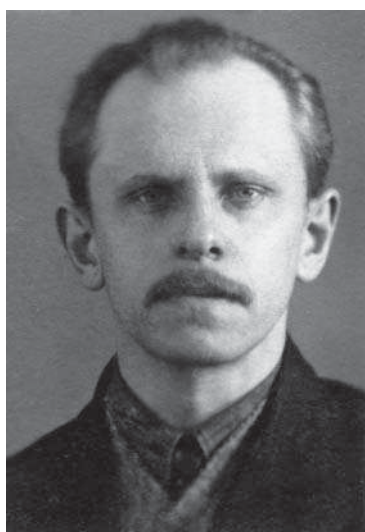
Юрий Яковлевич, Евгений Яковлевич
и Мария Яковлевна Перепелкины

когда я заходила к нему уже Асей, он увлеченно рассказывал мне о том, какой странный персонаж к нему заходил, что доставляло мне огромное удовольствие.

Случалось, что он заходил на кухню обсудить что-нибудь с моей матерью, которая в это время готовила обед. Начав рассказывать о некой неприятности или просто о чем-то необычном, произошедшем на «службе», он вскоре начинал подтрунивать над ситуацией, рассказывать анекдоты и старался придать случившемуся комический оттенок. Обычно в эти моменты он стоял прислонившись к стене, держа руки прижатыми к груди, опустив кисти вниз. С пальцев у него как живые свисали его вездесущие перчатки. Мне всегда было интересно послушать, что он говорит (хотя я и не все понимала): я прибежала из другой комнаты и садилась за стол...

Очень отчетливо я помню его манеру рассказывая что-то, произносить имена и слова: он говорил образно и артистично, немного растягивая гласные, и при этом четко выделяя согласные, отчего казалось, что эти слова оживали. Когда он произносил имена, связанные с его работой, — произносил их будто слегка иронично; я не знала, чьи это имена, но с детства запомнила их: Коковцев, Ернштедт, Коростовцев, Струве, Ольдерогте...

Дедушка так и не стал советским человеком, его внешность, язык, манеры — все было из другого, дореволюционного времени. Отправляясь в магазин, он говорил, что идет в хлебную или книжную лавку, перчатки он называл перстятками. Он никогда не пользовался современными ручками. «Мне неудобно писать вечным пером», — говорил он и писал старым стальным пером, которое обмакивал в черную тушь, налитую в серебряную чернильницу, всегда стоявшую на его столе. Рассказывая о ком-либо, он говорил «дама» или «господин». Он любил вспоминать о своем детстве, о старом Петербурге, о том мире, который безвозвратно исчез. О рождественских гуляньях у Соловьевского (Румянцевского) сада, о бородатом Святом Николае, раздававшем детям пряники, о сахарных головах, о катаниях на санях по набережной Невы. Рассказывал он об уличных лотках, полных разнообразных сладостей, печатных пряников: розовых в глазури и в виде разных фигурок. Оказалось, что в детстве любимым его лакомством были баранки, посыпанные маком или корицей, а также пироги с клубникой. Особенно мне запомнился

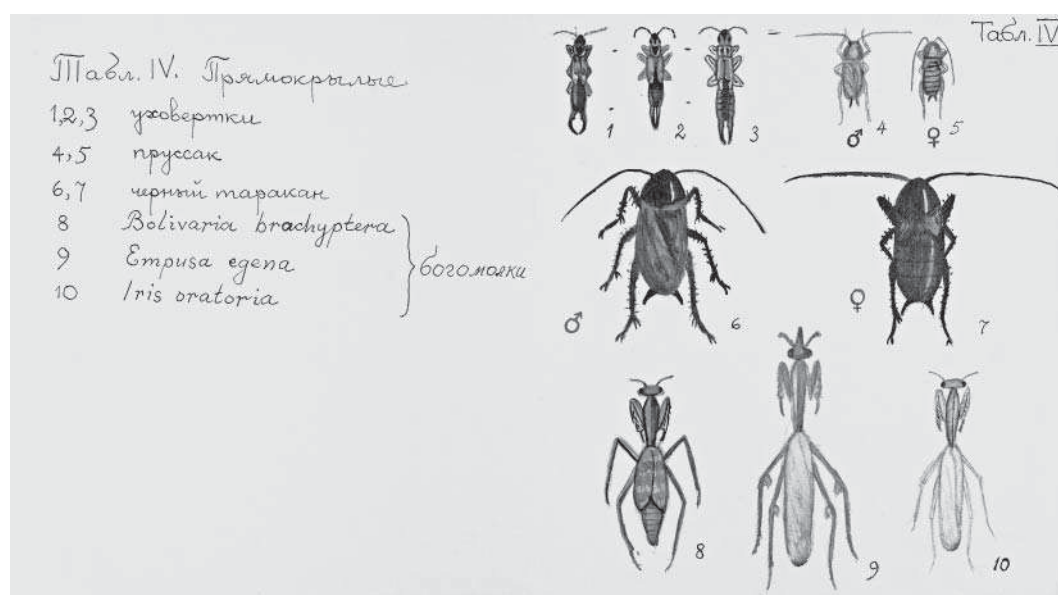

Юрий Яковлевич Перепелкин.
Фотография с документа

его рассказ об огромной рождественской елке, которую его отец устанавливал в гостиной, украшенной белыми лилиями, он вспоминал ее с каким-то детским неостывшим восхищением. Я очень любила слушать, как он забавно декламировал стишки из детских до-революционных журналов, а я просила рассказывать еще и еще; обычно в это время приходила мама и отправляла меня спать, но в заключение он еще успевал рассказать мне исторический анекдот.

Его исключительная интеллигентность проявлялась в отношениях как с людьми, так и с животными: случалось, он долго уговаривал кота, который сидел на кухне, на табуретке, освободить его место: «Пусти, пожалуйста», – но кот обычно упрямялся, и дедушка продолжал уговаривать его, но уже не добавляя слово «пожалуйста». Но не было случая, чтобы он ударил животное или повысил на него голос. Очень трепетно он отнесся к воробушку, которого я нашла на улице и выкармливала, мы вместе лечили его, дедушка

его держал (даже без перчаток, что было для него немалой жертвой), а я перевязывала птичке лапку. В детстве я любила насекомых, и дедушка мне рассказал, что есть наука о насекомых, энтомология, он сам увлекался ею в юности. Он подарил мне свои рисунки насекомых и рассказывал о прямокрылых, чешуекрылых и прочих членистоногих. Очень ярко он описывал одну бабочку, которую встречал в Крыму, когда жил там в молодые годы. Это была очень большая ночная бабочка Мертвая голова; все свое

Детские энтомологические рисунки Ю. Я. Перепелкина

Одна из последних фотографий Юрия Яковлевича

детство я мечтала увидеть ее, но не случилось. Лишь лет через десять после смерти дедушки я с мужем и сыном приехала на Южное кладбище поправить его могилу. Был яркий солнечный день, несмотря на середину мая солнце припекало совсем по-летнему, и неожиданно на надгробии я увидела ту самую бабочку. Это было поразительно, так как это ночная бабочка, и даже в Крыму она встречается редко.

В детстве мне казалось, что дедушка, как ребенок, не приспособлен к жизни, и его надо оберегать и защищать. Когда мне исполнилось десять лет, родилась моя младшая сестра, а отношения между родителями в это время стали напряженными. Я много переживала, дедушка же в это время показал себя совершенно с другой стороны, он старался поддержать меня и маму: я узнала, что в трудную минуту он может защитить, постоять за семью. С тех пор я стала чувствовать себя с ним увереннее, и желание постоянно его опекать у меня прошло.

Я не представляю, как бы сложилась моя судьба и кем бы я стала, если бы в моей жизни не было дедушки. Он всегда видел во мне личность, ему не было важно, на какие оценки я учусь, какими талантами обладаю, на первом месте для него были мои человеческие качества. Так он совсем не разочаровался во мне, когда у меня не пошел немецкий язык, которому он пытался меня научить. И тем, что я стала художником, я обязана в первую очередь ему и его замечательным рисункам. В последние годы мы с ним общались больше — я тогда оставалась летом в городе, на «практике», когда все остальные, кроме него, уезжали на дачу. С ним можно было говорить почти ни о чем и все равно получать удовольствие от общения. Можно сказать, что он был для меня, как Ангел-Хранитель, я не осознавала этого в детстве и поняла намного позже — после его смерти.

Сейчас, когда я работаю над своей графикой, я сажусь за стол и обмакиваю перо в его старую серебряную чернильницу с тушью...

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
Памяти Светланы Измайловны Ходжап. 10.XI.1923 – 12.VIII.2008	6
Это Света. Светлана Адриана Гулеф Самуил Измайловна Ходжап (сотрудники Отдела Древнего Востока ГМИИ) – Genius loci (В. А. Головина) Активностью в 1 Нj (А. О. Большаков), Жизнелюбивая, как древняя египтянка (О. В. Томашевич)	
Памяти Александра Серафимовича Четверухина. 12.IX.1946 – 10.XI.2009	18
Размышления над старой фотографией (А. О. Большаков)	
<i>А. О. Большаков</i>	
Заметки о <i>Mj</i>	22
<i>А. О. Большаков</i>	
Мог ли Тутанхамон быть сыном Эхнатона?	31
<i>В. А. Большаков</i>	
Скульптурный портрет безымянной царицы в собрании Института египтологии Страсбурга	37
<i>Д. В. Ванюкова</i>	
Ожерелье верховных жрецов Птаха: семантика изображения	46
<i>О. А. Васильева, В. Рондо</i>	
«Картина фаюмского типа» из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина	56
<i>О. А. Васильева</i>	
Так называемый «Бронзовый бюст варвара»: атрибуция и интерпретация	70
<i>А. Е. Демидчик</i>	
Заметки о Гераклеопольской монархии	80
<i>А. А. Ильин-Томич</i>	
Памятники жителей Антеополя в Абидосе конца XII – XIII династии: признаки и общие черты	92
<i>А. А. Ильин-Томич</i>	
Нетипичные формы знака [R ₄] в надписях Второго переходного периода	103
<i>Н. В. Лаврентьева</i>	
Папирус Джед-Исет-Иус-Анх из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина	124
<i>П. А. Ладынин</i>	
«Царь на пути бога»: О принципах оценки деятельности царя в египетской идеологии IV–III вв. до н. э.	139
<i>А. Н. Николаев</i>	
Первые глагольные предложения в египетском языке	170
<i>А. Н. Николаев</i>	
Благопожелательная формула после имени царя: особенности развития (I–IV династии)	183

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. В. Панов</i>	
История о перевозчике Немти в «Календаре счастливых и несчастливых дней»	192
<i>Д. Б. Прусаков</i>	
«Династическая раса»? К природе «вторжений» в доисторический Египет	203
<i>Е. А. Романова</i>	
Частная гробница как Totenstiftung (период Древнего царства)	227
<i>Е. А. Романова</i>	
Неизвестная стела из Одесского археологического музея НАН Украины	238
<i>А. В. Сафронов</i>	
Новые данные по истории Египта начала XX династии	244
<i>М. И. Соколова</i>	
Рубрики заклинаний как один из способов анализа текстов саркофагов (на материале томов I–II стандартного издания СТ)	257
<i>О. В. Томашевич</i>	
«Палестинская амфора» из скальной гробницы Древнего царства в Гизе	269
<i>А. В. Шишова</i>	
Об особенностях развития древнеегипетского иератического письма до начала XVIII династии	284
<i>Е. А. Яцук</i>	
Описания бедствий Египта в произведениях литературы разочарования: тематический анализ	290
<i>А. Е. Фокина</i>	
Мой дедушка Юрий Яковлевич Перепелкин	301
Резюме статей на английском языке	308
Сокращения	319